

А. В.
АМОИТЕАТРОВ

Амфитеатров А. В. Мертвые боги: Рассказы. Роман М.: Современник, 1991.-- (Из наследия). // ISBN: 5-270-01012-7 FB2: "rvvg ", 07.05.2009, version 1.6 UUID: FBD-14C282-BC92-9C43-EF97-BA3A-759C-70E96F PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Валентинович Амфитеатров

Чертово гумно (Красивые сказки (1908))

Сборник «Мертвые боги» составили рассказы и роман, написанные А. Амфитеатовым в России. Цикл рассказов «Бабы и дамы» — о судьбах женщин, порвавших со своим классом из-за любви, «Измена», «Мертвые боги», «Скиталец» и др. — это обработка тосканских, фламандских, украинских, грузинских легенд и поверий. Роман «Отравленная совесть» — о том, что праведного убийства быть не может, даже если внешне оно оправдано.

Из раздела «Фламандские легенды»

Содержание

#1	0005
Примечания	0015

Чертово гумно

Пятьсот лет тому назад Фландрия сильно страдала от неурожаев. Недород 1390-го года оказался тем ужаснее, что, едва приблизилась к концу скудная жатва, — хлынули с ужасающею силою сентябрьские дожди и не дали убрать снопов в скирды. Хлеб сгнивал на поле. Народ был в ужасе и смертельном горе. Ждали голода и повальных болезней.

Одному крестьянину, по имени Петру Маржерену, пришлось особенно плохо. Всего полгода, как он женился; молодуха его была беременна по четвертому месяцу. Жатва у него удалась и так, и сяк; но некуда было собрать ее. Рассчитывая на ясное «бабье лето», Петр не успел управиться с постройкою гумна до осенних ливней, и теперь хлеб его мок и пропадал под открытым небом. Петр видел перед собою полное разорение, невозможность уплатить господину подати и аренду, необходимость влезть в долги и тяжкую кабалу у какого-либо кулака-соседа. Будь он холост — пожалуй, и не сробел бы пред несчастьем: одна голова не бедна, а и бедна, так одна! Но мысли о горькой участи жены и будущего ребенка сводили его с ума.

— Чем видеть и терпеть это такое горе, лучше умереть! — решил он и ушел в лес, захватив с собою прочную веревку. Пока он выбирал су-чок, на котором повеситься, — подходит к нему рыцарь, богато одетый, и спрашивает:

— Эй, мужик! как пройти в замок Котелэ? Проводи меня через лес, — получишь дублон за услугу.

Петр подумал, что удавиться он еще успеет, а дублон — штука недурная, пригодится его вдове с сироткою. К тому же в осанке и пронзительном голосе рыцаря было что-то, не допускавшее возражений.

— Слушаю, ваше сиятельство, рад служить вашей чести, — сказал Петр и повел рыцаря глухою тропюю.

— Зачем у тебя веревка? — спросил рыцарь, когда они вошли в лесную чащу. Петр промолчал.

— Уж не удавиться ли ты выдумал, дурак? Что-то рожа у тебя пасмурна и глаза — точно ты поцеловался со смертью... Беда, что ли, стряслась над тобою?

Видя, что рыцарь человек участливый, Петр ободрился и откровенно рассказал свое

горе.

— Стало быть, — возразил рыцарь, — вся беда в том, что ты не выстроил гумна?

— Строят его теперь поденщики — да кой в нем прок? Когда они его достроят, только лишний долг — им за работу — ляжет мне на шею. Что я буду убирать в него? Навоз — вместо хлеба. Нет, я пропал, пропал, если Бог не пошлет мне во спасение чуда.

— Чудес на свете не бывает, — холодно сказал рыцарь, — но бывают добрые люди, которые не прочь иной раз помочь ближнему в нужде... Пожалуй, я, так и быть, ссужу тебе сто луидоров, пришлю своих рабочих достроить твое гумно и наполню его отборным зерном... чудо, что за зерно, продашь его на рынке не дешевле семи эку за четверть.

Петр, ошеломленный великодушным предложением, дико воззрился на рыцаря. Лицо последнего было далеко не из приятных: не будь оно оживлено огромными черными глазами, ярко сверкавшими в глубоких впадинах, — рыцарь смахивал бы на гнилого мертвеца. Но в эту минуту благодетель показался признательному Петру красавцем из

красавцев.

— Ах, ваше сиятельство! — вскричал мужик вне себя от радости, упав в ноги рыцарю. — Вы возвращаете мне жизнь... Но — на каких же условиях получу я эту ссуду?

— Разумеется, не даром, дурак. Мы заключим с тобою правильный контракт. Я обязуюсь доставить тебе все, что обещал, сегодня же ночью, до первых петухов; а ты с своей стороны через год... ну, да все равно, скажем, хоть через два года... обязан переселиться на мои земли и стать моим вассалом.

— А ваши земли далеко отсюда?

— И часа ходьбы не будет.

— Само собою разумеется, что вы дадите мне там помещение не хуже моего теперешнего?

Рыцарь странно взглянул на Петра и расхохотался.

— О, да, — произнес он сквозь смех, — конечно, я не оставлю тебя без жилья... ты получишь помещение... очень, очень теплое помещение!

— И жену мою и ребенка я тоже могу взять с собою?

Веселость рыцаря усилилась. Он хватался за бока и едва не падал от смеха.

— Пожалуйста, бери! не стесняйся!.. Хо-хо-хо! бери и жену, и ребенка... Ха-ха-ха! Если хочешь, мы даже поставим их также в контракт. Но — хи-хи-хи! — честь не позволяет мне пользоваться твоим жалким положением и закрепощать твою семью за ту же цену. Хе-хе-хе! Куда ни шло, я накину тебе еще сто луи за жену, да пятьдесят за ребенка.

— Тогда — по рукам! дело в шляпе! — воскликнул Петр Маржерен, — двести пятьдесят желтых кругляков и гумно, полное зерном, право, стоят того, чтобы переселиться в другую деревню. Идем на село — подписать бумагу у нотариуса.

— Есть мне когда ходить по нотариусам! — надменно возразил рыцарь, — вот у меня есть при себе перо и пергамент. А что касается чернил... нет ли у тебя в карманах ножа? Разрежь слегка себе левую руку, — кровь тоже прекрасно пишет, не хуже самых лучших чернил.

— И то правда! — согласился Маржерен, и тут же, на пеньке у лесного распутия, написа-

ли они договор со всеми статьями.

— Вот как хорошо, что ты умеешь грамоте, — заметил рыцарь, язвительно улыбаясь, когда Маржерен подмахнул договор.

— Еще бы, ваша честь! — возразил крестьянин, — во всей деревне я один знаю подписать свое имя и фамилию, а остальные — по безграмотству — ставят на бумагах святой крест...

— Довольно болтать пустяки, — внезапно нахмурясь, прервал рыцарь. — Получи свое золото, подай сюда контракт. Прощай и помни свое обязательство.

— А как же вы найдете путь в Котелэ? — остановил было его Маржерен. Но рыцарь нетерпеливо махнул ему рукою:

— Ступай домой! От этого распутия дорога мне хорошо знакома.

— Да благословит вас... — начал Петр, но — рыцаря уже не было на тропинке: он как будто растаял в воздухе.

Возвратись на село, Маржерен спохватился, что он не спросил имени своего благодетеля. А договор-то он, как водится, подписал, не читая: не проверять же ему было такого знат-

ного господина!

— А впрочем, я знаю, кто это — утешал он себя, — это сын графа de Villers-Outréaux, из Esnes... как слышно, граф любит нас, бедняков, и много помогает крестьянам; к тому же рыцарь говорил, что до земель его нет и часу ходьбы, а графские земли сходятся с нашими — межа с межою.

Тем временем — на гумне уже кипела работа. Чуть смерклось, графские рабочие пришли и взялись за труд. Неслыханно спорилось дело в их руках. Пока одни ставили сруб, тесали столбы и бревна, другие формовали кирпичи, а третьим стоило руку положить на сырой кирпич, чтобы он окреп и высох. Не развели они костра, не зажгли ни одного факела, а между тем красное зарево — невесть откуда — мерцало над ними. Странно это было, но беззвучность, с которою свершалась стройка, была еще страннее. Сто пятьдесят каменщиков, плотников, носильщиков прислал рыцарь, — и хоть бы кто из них слово пророчил! На кладбище в полночь — и то не тише, чем было в этой рабочей толпе. Без стука бил молот, не шипела пила, — ни треска дерева,

ни тяжелого дыханья усталых людей...

Посмотрел-посмотрел крестьянин на таинственных батраков — и неизъяснимый ужас охватил его; мороз бежал по телу от их молчаливой работы. Не осмелев ни слова им сказать, вошел он в свою усадьбу. Там царил тот же непонятный ужас. Жена Петра тряслась и плакала. Домашний скот метался в хлеву. Кошка жалась к хозяйке и старалась спрятаться под ее платье. Собаки выли, точно чуя покойника. Куры клохтали и суетились, как угорелые, и не думая спать, хотя уже давным-давно пора бы им быть на насесте.

Больше других животных струсил огромный петух — любимец хозяйки. Как будто удирая от незримой погони, он с размаху взлетел на колена своей госпожи и перепугал ее до полусмерти. Она вскрикнула, перекрестилась, схватила петуха за крылья и швырнула в сторону, а тот — от боли — заорал во все горло.

И в то же мгновение страшный удар подземного грома потряс окрестность; и таинственные работники исчезли — как канули в воду.

А наутро односельчане только руками разводили, дивясь на гумно — мало что выстроенное в одну ночь, но еще битком набитое снопами. Маржерен понял теперь, с каким рыцарем он имел дело, — и благословлял петуха, не давшего ночным батракам кончить их дивную работу. Потому что поступать в вассалы к Сатане ни самому Петру, ни жене его не было ни малейшей охоты, даром что хитрец сулил им в аду теплое помещение.

Черти не успели доделать только конька на кровле. Но когда Петр хотел докончить их стройку, то едва положил он первый кирпич — как незримая сила спустила его кубарем с крыши на земь. Та же история повторилась и с другими смельчаками. Так и не удалось достроить гумна: рассерженный черт — потеряв свою власть по договору, — в отместку, не позволил никому прикоснуться к своему созданию. Но разбогатевший мужик о том не очень плакал: и на недостроенном гумне он собирал урожай лучше, чем другие в достроенных. А петухи в той деревне — с тех пор — поют по ночам много раньше, чем во всем остальном свете: как раз в тот самый

миг, когда ударились в бегство каменщики
Сатаны [1].

Примечания

Разделу «Фламандский фольклор» в сб. «Красивые сказки», куда была включена легенда 1390 г., предпослано авторское вступление, объясняющее происхождение и поэтику фламандских легенд: «Мне попался у букиниста сборник фламандских легенд <...> давно уже ставших библиографической редкостью. Средневековая Фландрия — страна чудес по преимуществу, чудес мрачных и жестоких. На ее сказаниях отразились ее туманная атмосфера, ее холодный и суровый пейзаж <...> Человек здесь закаменел в бою с природою, которая вознаграждает его труд только после упорной борьбы <...> Как все северные католики, он любит сказки с ужасами и населил ими все урочища своей страны <...> Главный герой фламандской легенды — черт, угрюмый католический черт, который дал столько хлопот инквизиторам Спренглеру и Бодэну. Им полны фламандские туманы <...> Они — как будто его дыхание. Он стережет фламандца повсюду, во всякий час, следит за ним, невидимый, но зоркий, и когда пробьет „злой

час“ — он уже тут как тут, со своими ужасными вилами».

Печатается по изд.: Амфитеатров А. Красивые сказки. Спб., 1908.

Примечания

1

Легенда эта имеет сходство с легендами о недостроенных башнях Кельнского собора; о знаменитом Stock im Eisen в Вене и о соборе св. Олафа (Швеция). (Прим. автора.)

[^^^]